

Ленского. Но и эти немногие уплотнения художественного пространства весьма относительны. Они играют роль опорных вех для читательского воображения, в полной мере сохраняя эстетическую неопределенность.

В географии романа почти не значима ориентация на восток — запад, но последовательно противопоставлены север — юг. Север — это Россия и, по-видимому, Германия. В следующих стихах эпитет *северных* мы склонны понимать как «немецких»:

Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И списходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

[7, т. 6, с. 38]

Душа Ленского воспламенилась поэтическим огнем Шиллера и Гёте под небом Германии, а Онегин немецким языком не владел и потому не понимал отрывков из их произведений, которые, увлекшись и забыв, что Онегин его не понимает, цитировал Ленский. Ю. М. Лотман, несомненно прав, когда оспаривает мнение, согласно которому северные поэмы здесь — «Песни Оссиана»; однако неубедительно его предположение, что «отрывки северных поэм» в контексте строфы XVI гл. 2 — это русские романтические поэмы [19, с. 195].

Юг в мире романа — это Одесса, Италия, Африка. Но значительно важнее, чем денотативные значения сторон света, их коннотации. Север в романе — холодный, суровый, туманный, печальный, неприязненный, враждебный, хотя и свой. Юг — тоже свой, и при этом — роскошный, золотой, счастливый и недоступный:

Но наше северное лето,
Карриатура южных зим <...>

[7, т. 6, с. 89]

Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вдыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

[7, т. 6, с. 26]

Таким образом, при внимательном рассмотрении выясняется, что художественное пространство «Евгения Онегина» мало похоже на эмпирическое пространство повседневного мира. Оно разделено на трудно проницаемые топосы, слабо ориентированные друг относительно друга и относительно сторон света, прерывисто, отличается невысокой плотностью, лишь в отдельных местах имитирует географическую и топографическую реальность, легко мифологизируется, разные его области по-разному маркированы социально, эмоционально и этически, оно асимметрично и стремится к Лете как к своему пространственно-временному пределу.

Трудно ожидать, что такое пространство поддается измерению географическими координатами. Между тем В. В. Набоков прямо указывает местоположение «Онегинского уезда» на карте России. У него есть даже несколько указаний. Это район лесов и лугов, примерно в 250 милях на юго-юго-восток от Петербурга, в 200 милях к западу от Москвы, в 150 милях на юго-восток от Михайловского, приблизительно на пересечении 56° северной широты и 32° восточной долготы; приблизительно на полпути